

Игорь Вереснев

Позывной «Оцеола»



*Часть сборника
Русская фантастика – 2017. Том
1 (сборник)*



Игорь Вереснев
Позывной «Оцеола»

«ЭКСМО»

2017

Вереснев И.

Позывной «Оцеола» / И. Вереснев — «Эксмо», 2017

«Треугольник – каменное плато в стороне от железных дорог и автомагистралей. Здесь нет городов, нет деревень. Лишь пастухи пригоняют сюда отары овец в конце лета, когда засуха и зной выжигают пастбища в долине...»

© Вереснев И., 2017

© Эксмо, 2017

Игорь Вереснев Позывной «Оцеола»

Треугольник – каменное плато в стороне от железных дорог и автомагистралей. Здесь нет городов, нет деревень. Лишь пастухи пригоняют сюда отары овец в конце лета, когда засуха и зной выжигают пастбища в долине.

Посреди Треугольника стоит обелиск – обычный бетонный блок. На нем нет ни надписей, ни дат, и венки к нему никогда не возлагают. Такие памятники ставят не победителям, просто погибшим. Но это и не могила – хоть война сюда и докатилась, на самом Треугольнике бои не шли. Те немногие, кто видел обелиск, называют его «Памятником неизвестному солдату» или «Памятником последнему погибшему солдату». И только я знаю, кому он.

Живых в деревне не было. Чистенькие, беленные известью домики под красной черепицей, крашенные деревянные заборчики, низенькие, с калитками без запоров – такие встретишь разве что в подобном захолустье. Яркое-синее небо и расцвеченные в золото и багрянец деревья довершали картину. Хотя нет, довершали ее белые, обглоданные стаями бродячих псов костяки коров и свиней. И тишина. Полная, совершенная тишина.

Людей мы тоже нашли. Когда входили в деревню, мелькнула надежда, что местные успели сбежать. Или окки всех поголовно вывезли в свой фильтрационный лагерь. Но потом Кедр заметил погреб во дворе, зашел, откинул крышку. И отпрянул, едва не сбитый с ног волной ударившего оттуда смрада. Электрическая лампочка в погребке еще горела, и содержимое его было, как на ладони. Впрочем, я глянул краем глаза и сразу отошел. Зато Мегера не поленилась спуститься. Что она надеялась там найти? Не знаю. Видимо, местные бросились прятаться в погреб, услышав гул самолета над головой. Опасались бомбежки – во время августовского наступления окки утюжили наши города почему зря, уже не стеснясь. Но это оказалась не обычная бомба. Деревню накрыло облако «черного газа», а от него способно защитить разве что бомбо-убежище с многоступенчатой фильтрацией воздуха, но никак не деревенский погреб. Если окки зачищают территорию, то делают это надежно. Наверняка их командование предварительно отчиталось, что «мирное население эвакуировано, в полосе зачистки находятся исключительно диверсионно-разведывательные группы противника». Однако не прибрали за собой почему-то. Должно быть, забыли об этой деревеньке в пылу наступления.

Обратно Мегера вылезла белая как мел, брезгливо стянула с рук резиновые перчатки, швырнула вниз, захлопнула крышку. Процедила сквозь зубы: «И за это они заплатят». Кто, окки? Интересно, как это она себе представляет?

В деревне мы не задерживались. Даже в дома не заходили. Не потому, что боялись – «черный газ» не-устойчив к кислороду, давно разложился, осенние дожди и следы его смыли. Но осознавать, что несколько десятков, а то и сотня трупов смотрит на тебя выгнившими глазницами из-под земли, неприятно.

Псы ждали нас в заросшей молодым ольховником балке, что начиналась за околицей деревни. Тощие, голодные, злые. Хитрые. Одичавшие собаки опаснее волков, потому что хитрее. Они напали на нас с двух сторон, в самом удобном для засады месте. Если бы им попались гражданские, растерзали, те и глазом моргнуть не успели бы. Но мы – не гражданские. Я не хуже псов понимал, что это место удобно для засады. И что она там будет. Человеческая или звериная – не суть важно. Автоматные очереди разнесли самых проворных в клочья. Остальные, мигом сообразив, что просчитались с выбором жертвы, повернули назад под защиту леса. Кедр и Малой бросились следом, добывая, ощутили азарт охоты. Пришлось одернуть. Не на охоту мы пришли сюда. Наша задача – самим не стать дичью.

Ближе к вечеру мы вышли к третьему федеральному шоссе. За него бои шли дважды. Первый раз – весной, когда бронетанковый клин окков вонзился глубоко в нашу оборону и пришлось подтягивать резервы для его ликвидации, объявлять полную мобилизацию, бросать в мясорубку студентов и шестидесятилетних дедов. Второй – два месяца назад, после международной резолюции, объявившей нас «вне закона», когда бывшие союзники ударили в спину, Южный фронт посыпался, и стало ясно, что столицу не удержать.

Год назад, еще до войны, мы всей семьей ехали по этому шоссе к морю. Стоял июль, солнце светило из бездонного неба над головой, а миллионы земных «солнышек» грузно покачивались на зеленых стеблях по обе стороны дороги, от обочин и до самого горизонта, лишь кое-где разбавленные зелеными островками рощ. Семечки не дозрели, едва налились молочной спелостью, но все равно были вкусные. Особенно когда вышелушиваешь их прямо из «солнышка». Мы трижды останавливались скрутить самую большую, самую тугую корзинку. Воровать нехорошо, но как удержаться, когда такая красота вокруг? Да и кто заметит крохотную недостачу!

В этом году подсолнечник не убирали. Поля вдоль шоссе выгорели начисто, превратились в слой черной золы. Поверженными колоссами лежали башни-опоры магистральных линий электропередачи. Другие согнуло пополам, искорежило жаром, пылавшим здесь. Уцелевшие уронили на землю порванные провода, и те дохлыми стали алюминиевыми змеями растянулись у нас под ногами.

Разбитую бронетехнику окки уволокли, трупы собрали, лишь на обочине шоссе лежал съехавший в кювет, перевернувшийся и сгоревший автобус. Гражданский – в трех метрах от него валялась не замеченная мусорщиками обгоревшая детская кроссовка. С косточками ступни внутри.

Заночевали мы в разбитом, изрешеченном осколками элеваторе. От дождя защита никудышная – крыша провалилась полностью. Но дождь не предполагался – бабье лето как-никак, – зато высокие стены прятали наш костерок от любопытных глаз. Малой даже похлебку сварганил, и это было кстати. Горячего мы не ели три дня.

Когда ложки заскребли по дну котелков, Мегера вдруг подвинулась ко мне, посмотрела нечеловечески-синими глазами:

– Почему тебя называют Оцеола? Ты что, индеец?

Малой ответил за меня раньше, чем я нашелся, что ей сказать:

– Не, это он книжек в детстве начитался. Ну этих: Майн Рид, Фелемор Купер, знаешь?

– Фенимор, – поправил я. Отвел взгляд. Нельзя смотреть Мегере в глаза. Особенно вблизи. Утонешь.

– Ты смотри, вы еще и книги читаете, – хихикнул со своего места Док. – Не знал. Думал, это привилегия нас, интеллигентов.

– Это только Оцеола такой, – словно оправдываясь, уточнил Малой. – Читать – морока. Я лучше в игрушку поиграю.

– А еще полезнее спорт, – буркнул Кедр.

– Вон оно что, – Мегера будто не слышала наших спутников, продолжала разглядывать, как я выскребаю остатки из котелка, облизываю ложку. – А я думала, ты индеец. Молчаливый. За три дня всего раз заговорить со мной соизволил.

– Два, – поправил я. – Теперь два раза.

Познакомились мы в самом деле три дня назад, когда нас неожиданно сунули в «вертушку» и глухой ночью высадили где-то к югу от столицы, теперь – в глубоком тылу противника. Двух штатских и сопровождающую их диверсионно-разведывательную группу.

Впрочем, «диверсионно-разведывательной» группу можно было назвать с большой натяжкой. Профессиональных диверсантов в ней оказалось двое – Командир и я, все, кто

уцелел. Прочих собирали с бору по сосенке, лишь бы обученные были, кадровые, а не мобилизованные шпаки из последней волны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.